

СЕРГЕЙ Попов

КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ Б. Ф. ПОРШНЕВА О ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКА

COBISS: 1.01

[HTTPS://DOI.ORG/10.3986/JZ.26.1.12](https://doi.org/10.3986/JZ.26.1.12)

Kognitivno-evolucijska interpretacija pogledov B. F. Poršnjeva in fiziološke predpostavke pojavitve jezika

Članek je kognitivna in evolucijska interpretacija pogledov B. F. Poršnjeva na fiziološke predpostavke pojavitve jezika. Podane so kognitivne osnove in analizirano bistvo pogledov Poršnjeva, preverjeni sta stopnja in jezikovna vrednost njegovih pogledov ter nadalje izvedene kognitivne in evolucijske raziskave.

Ključne besede: glotogeneza, fiziologija, zaviralna dominantna, posnemanje, interdikcija, stopnja dojetanja

Cognitive and evolutionary interpretation of B.F. Porshnev's concept on physiological prerequisites of the language origination

The paper is the cognitive and evolutionary interpretation of B.F. Porshnev's concept on physiological prerequisites of the language origination. It represents the basic ideas of the cognitive and evolutionary concept as well as the essence of B.F. Porshnev's theory being analyzed; truthlikeness degree and elusive linguistic value of the theory have been substantiated; and its cognitive and evolutionary study has been carried out.

Key words: glottogenesis, physiology, breaking dominant, imitation, interdiction, perception degrees

0 ВВЕДЕНИЕ

Книга Бориса Федоровича Поршнева «О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)» – последняя из множества работ автора, а также первая и последняя задуманная им как центральная часть планируемой книжной серии «Критика человеческой истории», но, несомненно, самый известный его труд, о котором принято говорить как о книге с трагической судьбой. Автор представил рукопись в издательство в 1971 году, но от него потребовали устранения нескольких глав не только из-за превышения нужного в плановой советской экономике объема, но и по причине того, что некоторые положения этого труда, как показалось ответственному лицу издательства, не соответствовали марксистско-ленинской идеологии, и типографский набор был рассыпан. По свидетельствам современников Б. Ф. Поршнева, эти события обусловили безвременный уход Бориса Федоровича из жизни. После теперь уже посмертного осуществления указанных сокращений книга увидела свет в 1974 году. Однако после смерти профессора вокруг отраженных в его книге идей сформировалась

группа достаточно далеких от лингвистики, но в целом антропоцентрически ориентированных ученых, которые приложили все усилия к тому, чтобы самый глубокий, фундаментальный труд всей жизни Б. Ф. Поршнева не только не был забыт, но и получил всеобщее признание как научно революционный. Особо важную роль в этом деле сыграл в 2006 году восстановивший изначальную редакцию данной книги (Поршнева 2006) и написавший к ней предисловие Б. А. Диденко,¹ по убеждению которого книга Б. Ф. Поршнева, «стоившая жизни её автору, знаменует начало полного пересмотра всех наук о человеке, сравнимого лишь разве что с коперниканской революцией в астрономии» (Диденко 2006). В 2007 году эта книга была издана под научной редакцией О. Т. Вите, который провёл в этом тексте большую работу по расширению научного аппарата и немного изменил пунктуацию названия (Поршнева 2007). Поскольку авторский текст в этой книге остался прежним, в дальнейшем мы будем опираться на издание 2006 года (Поршнева 2006).

На первый взгляд, трудно понять, почему данное, одновременно энциклопедическое и физиологически специализированное, произведение Б. Ф. Поршнева упомянуто признанным специалистом в области глоттогенеза Л. Б. Вишняцким в статье, посвященной обзору проблем происхождения языка, лишь как отсылка к явно не программному мнению Б. Ф. Поршнева о первичности языка и вторичности мышления (Вишняцкий 2002: 50), совсем не упомянуто в нескольких его монографиях, а также в известной, посвященной гипотезам о происхождении языка монографии С. А. Бурлак (Бурлак 2011). Очевидно, причина такого (стоит надеяться, лишь похожего на замалчивание) невнимания кроется в том, что Б. Ф. Поршнева проводил свое многолетнее исследование в сфере выдвинутого им самим научного направления палеопсихологии, в котором он, доктор исторических (1941) и философских (1966) наук, полиглот и энциклопедист, прежде всего опирался на труды, что особенно важно – развивая и синтезируя их, таких известных в физиологии, но крайне редко упоминаемых в лингвистике ученых, как И. М. Сеченов, Н. Е. Введенский, Ч. С. Шеррингтон, А. А. Ухтомский и И. П. Павлов, в то время как занимающиеся проблемами глоттогенеза лингвисты, как и близкий им по этим разысканиям археолог Л. Б. Вишняцкий, интересуются многими предпосылками и доказательствами возникновения языка, например причиной и временем возникновения языка, его анатомическими и (заметим, без опоры на открытия указанных выше физиологов) нейропсихологическими предпосылками, генезисом форм и значений языковых знаков, происхождением синтаксиса (Вишняцкий 2002), но не проявляют никакого интереса к аспекту, предложенному Б. Ф. Поршневым.

¹ Его фэнтезийная теория о делении человечества на суперанималов, суггесторов, диффузников и неантропов, отразившаяся в ряде русскоязычных фэнтезийных произведений и иногда не вполне заслуженно называемая «теорией Поршнева – Диденко», в которой из теории Б. Ф. Поршнева можно уверенно опознать лишь понятие поведенческой имитации, научной ценности, как известно, не представляет.

Цель настоящей статьи – представить когнитивно-эволюционную интерпретацию палеопсихологической концепции Б. Ф. Поршнева о физиологических предпосылках появления языка.

1 ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ

Суть разрабатываемой нами когнитивно-эволюционной концепции сводится к следующему. Такая когнитивная структура, как восприятие, основная функция которого состоит в категоризации познаваемых сущностей, обуславливает качество логики как строя мышления, которая в свою очередь обуславливает ту или иную логичность языковых структур. Восприятие имеет три степени: (1) правополушарное синкретичное восприятие, при котором познаваемые сущности представляются цельными, не состоящими из частей и не имеющими признаков; (2) правополушарное поверхностное восприятие, при котором в познаваемой сущности выделяются лишь самые заметные ее части, и из ее признаков тоже выделяются лишь наиболее заметные, категоризация по которым чаще всего бывает ошибочной; (3) левополушарное альтернативное восприятие, при котором в познаваемой сущности выделяются все необходимые ее части и признаки, что обеспечивает корректность ее категоризации. Качество логики как строя мышления, которое обуславливает соответствующую логичность языковых структур, зависит от качества восприятия, то есть от того, данные какой из трех его степеней ложатся в основу силлогизма (подробнее о степенях восприятия можно прочитать в Попов 2013: 5–105; кроме того, мы писали об этом в Попов 2017: 231–235; Попов 2019: 163–167). Однако же до сих пор нами не найден был ответ на вопрос о том, по какой причине происходит эволюционный переход человеческого восприятия от одной степени к другой, в частности от синкретичного восприятия к поверхностному и от последнего к альтернативному, ибо простое объяснение этой причины естественным ходом эволюции не проясняет вопрос о том, почему одни живые существа эволюционируют, а другие нет.

2 ТЕОРИЯ Б. Ф. ПОРШНЕВА: ТОРМОЗНАЯ ДОМИНАНТА + ИМИТАЦИЯ = ИНТЕРДИКЦИЯ КАК ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДТЕЧА ПОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКА

В основании теории Б. Ф. Поршнева лежат два скрупулезно проанализированных им физиологических понятия.² Прежде всего это наиболее подроб-

² Здесь важно сразу внести уточнение. Б. Ф. Поршневу считает свою теорию палеопсихологической, то есть считает ее касающейся психологии протолюдей, но он основывает ее только на данных «нейрофизиологии», характеризующейся отсутствием знания о функциональной асимметрии мозговых полушарий, о которой ни нейрофизиологи того

но обоснованное А. А. Ухтомским понятие тормозной доминанты как более новое понятие и более новая физиологическая структура по сравнению с детально исследованными И. П. Павловым понятиями условных и безусловных рефлексов и связанным с ними понятием возбуждения:

«Итак, в каждый момент жизнедеятельности организма, как правило, налицо два «центра» (две группы, две конstellации центров на разных этажах), работающих по противоположному принципу – один «по Павлову», по принципу безусловных и условных рефлексов, другой «по Ухтомскому», по принципу доминанты. Один – полюс возбуждения, другой – полюс торможения. Один внешне проявляется в поведении, в каком-либо действии организма, другой внешне не проявляется, скрыт, невидим, так как он угашен притекающими к нему многочисленными бессвязными, или диффузными, возбуждениями. [...] Из этих двух взаимосвязанных нервных аппаратов более мощным, более сложным, эволюционно более поздним, энергетически более дорогим является тормозная доминанта. Механизм возбуждения (включая образование временных связей) сам по себе остаётся одним и тем же на очень разных уровнях эволюции и на разных уровнях нервной деятельности какого-либо высокоразвитого организма. Это генетически низший, собственно рефлекторный субстрат. Переменная, усложняющая величина – противостоящее ему торможение. Тормозная доминанта как бы лепит, формирует антагонистический полюс – комплекс, или систему, возбуждения. Она отнимает у этого комплекса всё, что можно отнять, и тем придаёт ему биологическую чёткость, верность, эффективность» (Поршнева 2006: 234–235).

Далее автор переходит ко второму понятию своей теории и соединяет его с первым: раскрывает сущность широко распространенной в животном мире и достаточно распространенной у людей имитации как «двигательно-подражательного безусловного рефлекса, погребённого в подкорковых образованиях у взрослого животного», доказывает первичность имитации действий и вторичность имитации результатов этих действий, в частности доказывая это на примере изготовления в палеолите каменных рубил, и наконец констатирует связь нарастающих от низших форм жизни к высшим тормозной доминанты и имитации, заключающуюся в том, что тормозная доминанта, обуславливающая «поведенческие акты, прорывающиеся на поверхность жизнедеятельности организма в условиях ультрапарадоксального состояния», может стимулировать «подражательное поведение у другого организма», то есть имитацию им этого состояния (Поршнева 2006: 271–299). Б. Ф. Поршнева пишет о примерах таких совпадений у птиц и обезьян и нако-

► времени, ни тем более Б. Ф. Поршнева знать еще не могли, ибо В. Л. Деглин приступил к изучению этой области только в конце 1960-х годов. Поскольку после открытия В. Л. Деглина нейрофизиологией стали называть физиологию нервной системы, включая физиологию мозга, а Б. Ф. Поршнева мозговую физиологию не учитывал, мы используем в статье термин «физиологический».

нец обращает внимание на два сохранившихся у человечества с архаичных времен способа имитации, вызванной обеспеченным тормозной доминантой ультрапарадоксальным состоянием: «Хорошо известно сильное имитатогенное действие у нас, людей, вне речевой сферы таких агентов, как зевание, улыбка. Подражание в этих случаях протекает совершенно помимо сознания и воли. [...] Да, в принципе, при стечении благоприятных биологических условий, неадекватный рефлекс одного организма может провоцировать имитативный рефлекс у другого организма, тем самым оттесняя иные реакции и действия этого последнего. Соответственно мы и называем этот «нерациональный» физиологический акт интердикцией», которая как «специфическая форма торможения образует фундамент, на основе которого возможен переход от первой сигнальной системы (безусловные и условные рефлексы) ко второй – к человеческой речи. Однако сама по себе интердикция ещё не принадлежит ко второй сигнальной системе» (Поршнева 2006: 299–301). «Пусть не смущает нас, – уточняет автор, – что выше мы отметили отдельные проявления интердикции на очень далёких от человека участках эволюции – у птиц, у низших обезьян. Так и должно быть: механизм интердикции заложен в глубинах первой сигнальной системы. Он может быть расчленён на целую иерархию, и только верхний её уровень, её предельная вершина лежит у подножия первого этажа человеческой речи» (Поршнева 2006: 301).

Б. Ф. Поршнева различает следующие уровни интердикции: «1. Этот механизм – всего лишь «отвлечение внимания», т. е. пресечение какого-либо начатого или готовящегося действия стимулом описанного рода – особо сильным, хотя для организма биологически бесполезным или даже вредным. В этом случае интердикция ещё мало отличается от простой имитации, разве что своей экстренностью, чрезвычайностью; но она может быть полезной для другого организма – источника сигнала, т. е. источника неадекватной реакции, если прерывает чьё-то агрессивное или иное вредное действие, принудительно переключаящееся на имитацию. 2. Собственно интердикцией следует назвать такое воздействие неадекватного рефлекса, когда он имитатогенным путём провоцирует в другом организме активное выражение тормозной доминанты какого-то действия (какого-то вида деятельности или поведения) и тем самым временно «запрещает» это действие. В таком случае исходное звено – неадекватный рефлекс первого из двух организмов – отрывается от обязательной зависимости от ультрапарадоксального состояния, т. е. перестаёт быть собственно неадекватным рефлексом, а может биологически закрепиться просто как полезный акт самообороны, шире – как активное воздействие на поведение другого индивида. 3. Высшим уровнем интердикции является такая же активизация тормозной доминанты чужого организма, но в более обширной сфере деятельности, в пределе – торможение таким способом всякой его деятельности одним интердиктивным сигналом. Предел этот недостижим на деле,

так как именно какая-то резервируемая деятельность (инверсия тормозной доминанты) и должна тормозить всё остальное. Скажем, сон, пресекающий бодрствование, сам является тоже деятельностью; но всё же генерализованная интердикция служит искомой нами ступенькой, от которой следующий шаг ведёт уже к начальной ступеньке второй сигнальной системы» (Поршневу 2006: 299–302).

Доказывая на примере когнитивно наиболее близких к человеку шимпанзе, что предки человека жили не постоянными стадами, которые незаторможенной силой имитации часто приходили к печальному концу (у остальных антропоидов по мере их когнитивного отставания от шимпанзе, то есть у орангутангов, горилл и гиббонов, наблюдается как раз нарастающая стадность с высокой долей такой, нередко губительной, имитации), а группами, члены которых часто менялись, автор разделяет интердикции в этих «тасующихся» группах на бывшие первыми оборонительные и утвердившиеся позже наступательные (Поршневу 2006: 302–316). Б. Ф. Поршневу достаточно убедительно сравнивает предположительную протокоммуникацию в двух различных по уровням развития группах: живших стадами низших обезьян и живших тасующимися группами протолюдей (троглодитид) и делает вывод: «Так, например, многократно и детально описано явление «доминирования»: вожак стаи (стада) определённой угрожающей мимикой и позой, а то и звуками командует: запрещает есть, пока сам не насытился, подзывает или отгоняет, пресекает половую активность самцов и т. д. [...] Но вот на уровне троглодитид наступает час интердикции. Механизм «доминирования», полезный в стае, становится вредным и жизненно опасным в больших скоплениях; и его парирует интердикция. Какой-то главарь, пытающийся дать команду, вдруг принуждён прервать её: члены стада срывают этот акт тем, что в решающий момент дистантно вызывают у него, скажем, почёсывание в затылке, или зевание, или засыпание, или ещё какую-либо реакцию, которую в нём неодолимо провоцирует (как инверсию тормозной доминанты) закон имитации. [...]

Такова оборонительная интердикция. А вот плод дальнейшей эволюции – наступательная интердикция. Теперь уже нашему герою не просто не дают командовать, но командуют: «отдай», «нельзя», «не трогай» (разумеется, если перевести физиологические категории на человеческий язык, хотя до него от этого уровня ещё далеко). Это совсем не те запреты (или повеления), с которыми подобные ему некогда обращались к членам стаи-семьи: эти запреты не опираются ни на какие, даже самые отставленные и условные, подкрепления. Они абсолютно «запирают» действие, так как являются инверсией его тормозной доминанты, вызываемой к активному выражению безотказной силой имитации.

Вот мы и описали с точки зрения психоневрологии великий канун. Не вставив этот средний блок между известными нам обезьянами и Ното

sapiens, мы никогда не сможем в плоскости естествознания выйти на исходные рубежи происхождения второй сигнальной системы» (Поршнева 2006: 314–316).

3 УРОВЕНЬ ПРАВДОПОДОБИЯ И НЕДОСКАЗАННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ТЕОРИИ Б. Ф. ПОРШНЕВА

Теории Б. Ф. Поршнева, даже несмотря на невозможность ее прямой эмпирической верификации, необыкновенно трудно отказать в гениальности: правдоподобие, хотя и с преимущественно косвенными доказательствами, совмещения двух независимых друг от друга физиологических составляющих нервной системы человека таким образом, чтобы одна составляющая, имитация, была неотвратима в отражении ею нового, знакового, качества второй составляющей, тормозной доминанты оппонента, достойно ученой оации. И, конечно, невозможно отказать понятийной логике автора в том, что в его теории предтеча как раз второй сигнальной системы создается тормозной доминантой как именно второй по времени появления физиологической структурой после безусловнорефлекторного нервного возбуждения, причем в новой для себя, то есть тоже второй, роли участника интердикции.

Имитация, в данной теории второй участник интердикции, в роли канала коммуникации, отличного от коммуникации животных, может показаться неубедительной³ лишь с точки зрения физиологии нервной системы современного человека, который склонен к имитации все реже по мере взросления и сопутствующего ему когнитивного развития.⁴ Убедительность имитации именно в такой роли выглядит гораздо отчетливее, если вспомнить идею Л. С. Выготского об идентичности онтогенеза и филогенеза, которая в последние десятилетия активно поддерживается учеными, работающими в области смежных – антропоцентрических – наук (Барулин 2008: 52). Эмпирически верифицируемыми являются многочисленные факты имитации не только у животных, особенно в хорошо и печально известном стадном инстинкте, когда абсолютно все повторяют действия либо вожака, либо того, кто проявит действие первым, но и у инстинктивно во всем копирующих взрослых людей дошкольников, у бездумно зубрящих тексты младших школьников, и, что особенно ценно для наших целей,

3 Особенно в месте, где Б. Ф. Поршнева, будучи увлеченным своей идеей и, очевидно, спеша быстрее сообщить вывод, пишет том, что неизбежная в то время зависимость адресата от имитации действия адресанта «запрещает» намечаемое адресатом действие.

4 Хорошо известно, как в прежние времена в учебных заведениях (особенно в школах) ныне развитых стран практиковалось, а в иных странах практикуется до сих пор абсолютно имитационное по своей сути зазубривание наизусть, причем даже старшеклассниками и студентами, больших фрагментов учебников или лекций (при совершенной неважности того, понимаются ли такие тексты), когда любое отступление от канона таких текстов считалось (или до сих пор считается) непростительной ошибкой.

у первобытных людей. Именно в онтогенезе и филогенезе имитация постепенно становится более умной, выступая у взрослых и цивилизованных людей лишь как канал коммуникации.

Еще одним, возможно наиболее веским и в то же время современным, доказательством того, что именно имитация могла быть предтечей канала коммуникации, является то, чего Б. Ф. Поршневу на 20 лет вперед предвидеть никак не мог: в начале 1990-х в головном мозге человека, приматов и некоторых видов птиц были открыты «зеркальные нейроны», которые отвечают именно за имитацию, в том числе с высокой долей вероятности отвечают за речевую деятельность, включая обучение языку (Риццолатти – Синигалья 2012).

Теория Б. Ф. Поршнева уникальна в своем роде. Гипотез происхождения языка существуют десятки и даже, если учитывать и явно экзотические,⁵ сотни (Бурлак 2011: 309–381). Многие из этих гипотез по-своему в какой-то степени, то есть не до конца, убедительны, и среди них есть и весьма, на 90 с лишним процентов, убедительные, как, например, гипотеза Д. Бикертонна, который связал потребность в возникновении языка с рекрутингом как необходимостью описывать соплеменникам найденные источники пищи, чтобы увлечь их за собой, ибо один человек не мог совладать ни с разделкой и последующей доставкой туши мертвого животного, ни с отпугиванием конкурентов – падальщиков (Бикертон). Но ни в одной из этих многочисленных гипотез не говорится о предпосылках возникновения языка, которые могли сложиться в физиологии нервной системы, как это доказывается в теории Б. Ф. Поршнева.

Поскольку Б. Ф. Поршневу явно опускает некоторые важные комментарии возможности первого проточеловеческого знакового поведения, постараемся эти лакуны заполнить. Если проявление тормозной доминанты говорящего в ходе описываемой автором интердикции имитируется и одновременно воспринимается слушающим как знак «нельзя», то оно должно иметь такое же значение для говорящего, то есть созданный проявлением тормозной доминанты говорящего знак «нельзя» должен быть ими обоими до этого общения конвенциализирован, иначе их общение постигнет пресловутая коммуникативная неудача. Несложно представить неспешность такой конвенциализации: прежде чем она утвердилась, придумавшему этот знак говорящему⁶ пришлось применять его не один раз до тех пор,

5 Например, справедливо критикуемую С. А. Бурлак (Бурлак 2011: 310) теорию Ю. В. Монича, полагающего, что язык возник из ритуала клятвы верности своему племени (Монич 2005).

6 «Любое новое слово, – убедительно пишет М. Н. Эпштейн, – возникает в сознании и речи индивида, а затем уже принимается или отторгается языковым сообществом. Народ как единое целое не может сам ничего написать или произнести, у него нет руки или рта» (Эпштейн 2016: 7).

пока его значение не было бы усвоено слушающим.⁷ С другой стороны, трудно отказать в логичности аргументации Б. Ф. Поршнева в отношении того, что именно вторая, отступающая от инстинктивного нервного возбуждения и регулирующая его физиологическая составляющая со временем – в союзе с имитацией, которая здесь представляет канал связи, – преобразуется в физиологическую основу языка, ибо в противном случае пришлось бы признавать, что язык образовался напрямую от инстинктивного нервного возбуждения, что было бы совсем неправдоподобно: когда человек в случае опасности обращается в бегство, то есть проявляет инстинктивное нервное возбуждение, он не начинает говорить вместо бега, но, убегая, он может что-то выкрикивать, в том числе нечто членораздельное. Если бы язык образовался на базе инстинктивного нервного возбуждения, человек не мог бы одновременно ходить и разговаривать. То есть физиологическую основу языка логично выводить не из самой реакции инстинктивного нервного возбуждения, а из того эволюционно вторичного, что это возбуждение регулирует⁸ и проявляется как-то иначе, как-то так, что со временем может стать знаком.

4 ТЕОРИЯ Б. Ф. ПОРШНЕВА В КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННОМ ОСВЕЩЕНИИ

Для разрабатываемой нами когнитивно-эволюционной концепции важно следующее. Создание эволюцией тормозной доминанты можно трактовать как переход от перцептивной поверхностности опасно переполняющего организм павловского нервного возбуждения к альтернативности спасающей организм от перевозбуждения ухтомской тормозной доминанты. Получается, что главным и единственным, подхваченным поверхностной по своей перцептивной сути имитацией импульсом к образованию физиологического фундамента второй сигнальной системы, то есть языка, стало альтернативное обычному павловскому возбуждению выделение самой эволюцией – под действием опасности перевозбуждения, а не произвольно – тормозной доминанты не только как спасительной альтернативы поверхностно перегружающему организм возбуждению, но и как альтернативы в виде участника интердикции, предполагающей активное воздействие на поведение

7 Исследователи постоянно отмечают, что усвоение новых знаков человекообразными обезьянами, в том числе когнитивно наиболее близкими к человеку шимпанзе, включая весьма одаренных бонобо, происходит после сотен и нередко тысяч предъявлений (Бикертон 2012: 88). Вряд ли приходится надеяться на то, что у протолюдей это происходило быстрее.

8 То есть является своего рода активным, воздействующим, обладающим определенной целеустремленностью началом, от которого проявлений самостоятельности и альтернативности ожидать гораздо логичнее, чем от инстинктивно действующего нервного возбуждения.

другого индивида, что весьма близко в целом к понятию коммуникативной функции языка, еще ближе к понятию фатической его функции и вполне соотносимо с понятиями иллюкутивной функции и перлюкутивного эффекта.⁹

Получает существенное уточнение распространенное мнение о том, что в первобытном, и, конечно, в еще более раннем, состоянии человечество было исключительно правополушарным¹⁰ и потому обладало синкретичным или в лучшем случае поверхностным восприятием. Очевидно, что это утверждение может отражать лишь общую тенденцию, но ни в коем случае не должно отрицать другую, параллельную, левополушарную, отражающую альтернативность восприятия тенденцию, нарастающую по мере убывания правополушарности и способствующую выживанию проточеловечества как вида. Закономерность преобладания левополушарности при сохранении позиций правополушарности наблюдается и сегодня. Так, доказано, что большая часть детей усваивает родной язык, левополушарно выстраивая синтагмы поэлементно, и меньшая часть детей овладевает языком, правополушарно используя только готовые, синкретично спаянные синтагмы, и причина этого различия заключается в особенностях звучащей речи окружающих детей взрослых (Nelson 1973; Bates – Bretherton – Snyder 1988; Ахутина 2005; Доброва 2009). С этим же соотносятся наблюдения о матерях и, как следствие, их детях двух типов: матерей декларативного типа, у которых растут поэлементно выстраивающие любые тексты референциальные дети, которым такие матери постоянно что-то рассказывают и с которыми постоянно ведут диалоги, и матерей императивного типа, у которых растут использующие лишь готовые синтагмы экспрессивные дети, которым такие матери только приказывают, ничего не сообщая, которых все время одергивают и с которыми диалоги вести не пытаются (Цейтлин 2000: 25–27, 44–46).

Как можно убедиться, в теории Б. Ф. Поршнева переход от перцептивно поверхностных возбуждения и имитации к альтернативности тормозной доминанты и интердикции имеет исключительно физиологическую природу. Из этого выводится, что степени восприятия, которое до этого трактовалось

9 Эти понятия Б. Ф. Поршнева имел полное научное право не знать, так как на знания всех лингвистических понятий, в данном случае понятий теории речевых актов Джона Остина, в то время известной в СССР лишь считанным, хорошо владеющим английским языком, лингвистам, не претендовал.

10 По убеждению первооткрывателя функциональной асимметрии мозговых полушарий В. Л. Деглина, история развития человеческого мозга представляет собой историю движения мысли конкретной из правого полушария к мысли абстрактной в полушарии левом: «Ранний этап эволюции психической деятельности – этап использования природных объектов в качестве знаков – связан с правым полушарием и роднит человека с его животными предками. Поздний этап эволюции становления психической деятельности, основанный на специально созданных для знаковой функции искусственных объектах, связан с левым полушарием. Это специфически человеческий этап становления психической деятельности. [...] Функциональная асимметрия, с моей точки зрения, – это летопись, «Повесть временных лет» человеческой психики» (Деглин 1996: 145–146).

лишь как когнитивная структура, поставляющая данные строю мышления – логике, имеют глубокую корреляцию: физиологическую. При этом невозможно не заметить, что всякий физиологический переход от поверхностного восприятия возможности успешной жизнедеятельности к альтернативному обуславливается физиологической потребностью весьма кардинального улучшения качества жизни – по сути выживания (при переходе к альтернативе тормозной доминанты) или относительно кардинального улучшения качества жизни (при переходе к альтернативе интердикции). Это подтверждается этапами проточеловеческой эволюции. При этом важно помнить, что альтернативное восприятие может быть простым и сложным.

Простое альтернативное восприятие совпадает с поверхностным восприятием: в этом случае в зоне восприятия имеется только одна возможность развития, не воспринять которую невозможно. Например, когда далекие предки человека вполне безопасно для себя жили на деревьях в юго-восточной части Африки, а затем в результате обусловленного геологическими (поднятие гор) и, как следствие, климатическими (прекращение из-за поднятия гор приходящих с запада осадков) изменениями исчезновения деревьев оказались на земле в высокой саванной траве, в которой их подстерегало множество хищников, единственной адаптивной возможностью выжить, не воспринять которую было невозможно, стало прямохождение (высвобождение при этом передних конечностей с превращением их в руки и дальнейшей эволюцией – не более чем попутно образовавшееся следствие спасающего жизнь прямохождения). Важной характеристикой данного наблюдения является независимая от человеческой воли стихийность изменений среды обитания, к которой протолюди были вынуждены адаптироваться прямохождением, чтобы выжить. Другой возможности выжить, например скачкообразно увеличиться или уменьшиться в размерах, либо построить крепкие жилища, либо изобрести оружие, у предков человека на этом уровне развития быть еще никак не могло.

Сложное же альтернативное восприятие вполне оправдывает свое название, потому что в данном случае альтернативных возможностей существенно больше одной и далеко не все они сразу очевидны.¹¹

Обратимся к тексту Б. Ф. Поршнева, где говорится о важной для выживания адаптации протолюдей (троглодитид) различных этапов плейстоцена к изменениям среды обитания и, как следствие, питания:

«Каменные “экзосоматические” органы троглодитид не оставались неизменными, они эволюционировали вместе с видами, как и вместе с перестройками фаунистической среды [эволюция каменных орудий и самих видов протолюдей как вынужденные, жизненно важные переходы к альтернативам их прежним состояниям в связи с потребностью в адаптации к изме-

¹¹ Подробнее о простом и сложном альтернативном восприятии написано в Попов 2015: 123.

няющимся средовым условиям. – С. П.]. Можно выделить прежде всего три больших этапа. Первый – на уровне австралопитеков, включая сюда и тип так называемых *Homo habilis*. Это было время богатой фауны хищников-убийц, где ведущей формой являлись многочисленные виды махайродов (саблезубых тигров), высокоэффективных убийц, пробивавших покровы даже толстокожих слонов, носорогов, гиппопотамов. Но ответившиеся от понгид прямоходящие высшие приматы [данное ответвление есть их эволюция как переход к более прогрессивной во всех отношениях, простой альтернативе их прежнему состоянию. – С. П.], по-видимому, использовали тогда даже не обильные запасы мяса, оставляемые хищниками, а только костный и головной мозг, для чего требовалось лишь расчленять и разбивать кости. [...] Таков был самый долгий этап развития плотоядения у троглодитид. Затем пришёл глубокий кризис хищной фауны, отмеченный, в частности, и полным вымиранием махайродов в Старом Свете. Австралопитеки тоже обречены были на исчезновение. Лишь одна ветвь троглодитид пережила кризис¹² и дала совершенно обновлённую картину экологии и морфологии: археоантропы [наблюдается их эволюция как переход к обеспечившей выживание альтернативе их прежнему состоянию. – С. П.]. С резким упадком фауны хищников исчезла возможность находить в районах их обычной охоты останки их добычи. Крупные животные умирали теперь от более многообразных причин в весьма разнообразных местах, тогда как популяции троглодитид были очень немногочисленны. Однако роль собирателей и аккумуляторов относительно свежих трупов с гигантских территорий играли широко разветвлённые течения четвертичных рек. Археоантропы адаптировались к этой географической ситуации. Едва ли не все достоверно локализованные нижнепалеолитические местонахождения расположены на водных берегах, в особенности у вертикальных и горизонтальных изгибов русла рек, у древних отмелей и перекатов, при впадениях рек в другие реки, в озёра и в моря [данное поведение есть их эволюция как вынужденный, жизненно важный переход к простой альтернативе приречного нахождения пищи. – С. П.]. [...] На этом этапе развилось поедание не только мозга, но и мяса в соперничестве, вероятно, преимущественно с крупными пернатыми хищниками [здесь можно видеть эволюцию питания как жизненно важный с точки зрения разнообразия белковой пищи переход к альтернативе мяса мозгу. – С. П.]. Новый кризис на-

12 В том, что здесь и далее речь идет о выживании лишь одной проточеловеческой ветви из нескольких сосуществовавших, нет ничего удивительного. Как удачно высказался по этому поводу Л. Б. Вишняцкий, «наша состоявшаяся эволюционная история – это только один из многих потенциально существовавших ее сценариев, который, в отличие от других, не остался запасным лишь в силу во многом случайного стечения мало связанных между собой обстоятельств» (Вишняцкий 2004: 7). Однако, по нашему убеждению, роль случайности здесь следует конкретизировать перцептивной составляющей: хорошо известно, что человек может случайно как воспринять малозаметное, так и не воспринять весьма очевидное.

ступил с новым разрастанием фауны хищников, особенно так называемых пещерных. На долю рек как тафономического фактора снова приходилась всё уменьшающаяся доля общей биомассы умирающих травоядных. Род археоантропов был обречён тем самым на затухание. И снова лишь одна ветвь вышла из кризиса морфологически и экологически обновлённой – палеоантропы. Их источники мясной пищи уже труднее всего описать однотипно. Если часть местонахождений по-прежнему приурочена к берегам, то значительно большая уходит на водоразделы. Палеоантропы находят симбиоз либо с разными видами хищников, либо со стадами разных травоядных, наконец, с обитателями водоёмов. Их камни всё более приспособлены для резания и разделки мяса животных, поверхностно уже повреждённых хищниками, хотя их по-прежнему в высокой мере привлекает извлечение мозга. Этот высший род троглодитид способен расселиться, т. е. найти мясную пищу, в весьма разнообразных ландшафтах, по-прежнему решительно ни на кого не охотясь [здесь наблюдается эволюция как жизненно важный с точки зрения питания переход к сложным альтернативам мест нахождения пищи, а также сложным альтернативам орудий и мест расселения палеоантропов, чего раньше не отмечалось. – С. П.]. Но и этому третьему этапу приходит конец вместе со следующим зигзагом флуктуации хищной фауны в позднем плейстоцене. Необычайно лабильные и вирулентные палеоантропы осваивают новые и новые варианты устройства в среде [то есть постоянно пребывают в поиске альтернатив прежним малоуспешным состояниям. – С. П.], но кризис надвигается неумолимо. Этот кризис и выход из него здесь невозможно было бы описать даже самым кратким образом. Пришлось бы ввести в действие такие мало знакомые читателю зоологические феномены, как адеल्фофагия (умерщвление и поедание части представителей своего собственного вида), и рассмотреть совершенно новый феномен – зачаточное расщепление самого вида на почве специализации особо пассивной, поедаемой части популяции, которая, однако, затем очень активно отпочковывается в особый вид, с тем чтобы стать в конце концов и особым семейством [здесь можно видеть новые, жизненно важные альтернативы прежним питанию и самому проточеловеческому виду. – С. П.]» (Поршнева 2006: 97–99).

Как можно убедиться, при изменении среды обитания предки человека были просто вынуждены искать альтернативные возможности как получения питания, так и совершенствования каменных орудий – с единственной целью: выжить.¹³ Важно отметить, что восприятие таких альтернатив происходило

13 Это заключение полностью коррелирует с приводимым нами ниже выводом Л. Б. Вишняцкого, но лишь с тем отличием, что вывод этого известного ученого-археолога не опирается на перцептивные характеристики протолюдей и он не пытается объяснять выявленные у человекообразных обезьян способности к знаковой коммуникации физиологическими причинами: «Появление языка можно рассматривать как следствие более интенсивного использования гоминидами тех способностей к знаковой коммуникации,

и на физиологическом (поиск альтернативных источников пищи, обусловливаемый элементарным чувством голода), и на когнитивном (поиск альтернативных видов деятельности, способствующих более эффективному добыванию пищи) уровнях, из чего следует, что эти уровни, хотя и демонстрируют в диахронии первичность физиологии и вторичность когниции, в дальнейшем сосуществуют параллельно, как в разное время возникли, но сосуществуют взаимно идентичные структуры естественного языка и генетического кода, в котором, как и в языке, наблюдаются: дуализм абстрактной системы и ее реализации как аналог дихотомии языка и речи, парадигматики и синтагматики, контекстуальная зависимость, текстуальность, многозначность и поликодовость, произвольный характер связи между означающим (тройкой нуклеотидов) и означаемым (аминокислотой) (Золя 2018).

Можно с уверенностью полагать, что закрепившийся во многих поколениях поиск жизненно важных, физиологических и когнитивных, альтернатив стал для человечества привычной формой адаптивного поведения, качество которого улучшалось с появлением более полезных возможностей. Следовательно, можно утверждать, что теория Б. Ф. Поршнева помогла нам найти ответ на вопрос, который в нашей концепции до сих пор оставался без ответа: какова причина эволюционного перехода от одной степени восприятия к другой? Этой причиной является потребность улучшения качества жизни, в предыстории человечества постоянно выступающая как физиологическая и/или когнитивная потребность в выживании и тем самым вошедшая в привычку, обусловившую и появление таких альтернатив, как язык и его структуры.

Наконец, пора заявить и о том, что предложенная Б. Ф. Поршневым полвека назад теория не может быть признана завершенной, поскольку не выдерживает испытания вопросом: если интердикция может стать физиологической базой любой коммуникации, и человеческой, и животной, то чем возникший на ее основе естественный человеческий язык отличается от возникших на ее основе коммуникативных систем животных, например когнитивно ближайших к человеку шимпанзе? Ответ на этот вопрос имеется в указанной выше монографии С. А. Бурлак: от построенной на ограниченной и неизменной группе врожденных сигналов коммуникации животных, в том числе шимпанзе, человеческий язык отличается достраиваемостью (Бурлак 2011: 373). И здесь не требуется значительных умственных усилий, чтобы понять: восприятие возможностей достраивания языка есть восприятие альтернатив его развития. Следовательно, заложенная непростой, проходящей в постоянной борьбе за выживание эволюцией глубоко в сознание

► которые имеются уже у человекообразных обезьян. Эта интенсификация была обусловлена неблагоприятными изменениями среды обитания, ростом компенсирующей роли культурного (не детерминированного генетически) поведения и резким увеличением объемов информации, циркулировавшей в сообществах наших предков и необходимой для успешной адаптации к новым условиям существования» (Вишняцкий 2002: 60).

протолюдей возможность поиска альтернатив вполне могла стать тем катализатором, который превратил оставшуюся у Б. Ф. Поршнева статичной интердикцию в постоянный поиск альтернатив, постепенно выстраивающих языковые структуры. Именно такое когнитивно-эволюционное уточнение ставшим для человечества привычным поиском альтернатив делает теорию Б. Ф. Поршнева логически завершённой: и виды протолюдей, и виды животных либо по причине неизменяемости среды не эволюционировали, либо по причине изменения среды вымирали, либо – компромиссный вариант – адаптировались к изменениям, но в историях выживших видов животных не было ни такого, как у протолюдей, количества приводящих к поиску альтернатив испытаний на выживание в связи с изменениями пищевой базы, ни удачно постулированного Л. Б. Вишняцким (см. сноску выше) «во многом случайного стечения мало связанных между собой обстоятельств».¹⁴

Таким образом, когнитивно-эволюционное освещение теории Б. Ф. Поршнева, в которой соединение физиологических сущностей тормозной доминанты и имитации даёт новое качество – интердикцию как физиологическую предтечу появления языка, позволяет понять следующее: (1) на физиологическом уровне наблюдаются степени, аналогичные степеням восприятия, и в сущности тормозной доминанты эти степени эволюционируют от поверхностности к важной и для появления языковых структур альтернативности; (2) закрепившийся во многих поколениях поиск жизненно важных, физиологических и когнитивных, необходимых и для строительства языка альтернатив стал для человечества привычной формой адаптивного поведения; (3) причиной эволюционного перехода от одной степени восприятия к другой является потребность альтернативного улучшения качества жизни, в предыстории человечества постоянно выступающая как физиологическая и/или когнитивная потребность в выживании и тем самым вошедшая в привычку, обусловившую и появление таких альтернатив, как язык и его структуры; (4) когнитивно-эволюционное уточнение неполного понятия интердикции в теории Б. Ф. Поршнева ставшим для человечества привычным поиском альтернатив, в том числе языка и его структур, делает её логически завершённой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутина 2005** = Т. В. Ахутина, Речевой онтогенез с точки зрения нейропсихологии нормы, в: *Онтогенез речевой деятельности: норма и патология*, под ред. Л. И. Беляковой, Москва: Прометей, 2005, 4–11.
[Т. В. Ahutina, Rečevoj ontogenez s točki zrenija nejropsihologiji normy, v: *Ontogenez rečevoj dejatel'nosti: norma i patologija*, pod red. L. I. Beljakovoj, Moskva: Prometej, 2005, 4–11.]

¹⁴ Например, вынужденный переход протолюдей к прямохождению, приведший к высвобождению передних конечностей, не обязательно должен был привести к повлекшим морфологические изменения новым их функциям (как этого в разное время не произошло у тиранозавров, страусов, кенгуру и некоторых других видов животных).

- Барулин 2008** = А. Н. Барулин, К аргументации полигенеза, в: *Разумное поведение и язык 1: коммуникативные системы животных и язык человека: проблема происхождения языка*, сост. А. Д. Кошелев – Т. В. Черниговская, Москва: Языки славянских культур, 2008, 41–58. [A. N. Barulin, K argumentacii poligeneza, v: *Razumnoe povedenie i jazyk 1: komunikativnye sistemy životnyh i jazyk čeloveka: problema proishoždenija jazyka*, sost. A. D. Košelev – T. V. Černigovskaja, Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008, 41–58.]
- Бикертон 2012** = Дерек Бикертон, *Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей*, Москва; Языки славянских культур, 2012. [Derek Bikerton, *Jazyk Adama: kak ljudi sozdali jazyk, kak jazyk sozдал ljudej*, Moskva; Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012.]
- Бурлак 2011** = С. Бурлак, *Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы*, Москва: Астрель CORPUS, 2011. [S. Burlak, *Proishoždenie jazyka: fakty, issledovanija, gipotezy*, Moskva: Astrel' CORPUS, 2011.]
- Вишняцкий 2002** = Л. Б. Вишняцкий, Происхождение языка: современное состояние проблемы (взгляд археолога), в: *Вопросы языкознания*, Москва, 2002, № 2, 48–63. [L. B. Višnjackij, Proishoždenie jazyka: sovremennoe sostojanie problemy (vzgljad arheologa), v: *Voprosy jazykoznanija*, Moskva, 2002, no. 2, 48–63.]
- Вишняцкий 2004** = Л. Б. Вишняцкий, *Человек в лабиринте эволюции*, Москва: Весь Мир, 2004. [L. B. Višnjackij, *Čelovek v labirinte èvoljucii*, Moskva: Ves' Mir, 2004.]
- Деглин 1996** = В. Л. Деглин, *Лекции о функциональной асимметрии мозга человека*, Амстердам – Киев: Женевская инициатива в психиатрии, Ассоциация психиатров Украины, 1996. [V. L. Deglin, *Lekcii o funkcional'noj asimmetrii mozga čeloveka*, Amsterdam – Kiev: Ženevskaja iniciativa v psichiatrii, Associačija psichiatrov Ukrainy, 1996.]
- Диденко 2006** = Б. А. Диденко, Аннотация, в: Б. Ф. Поршнев, *О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)*, под ред. Б. А. Диденко, Москва: «ФЭРИ-В», 2006, 2. [B. A. Didenko, Annotacija, v: B. F. Poršnev, *O načale čelovečeskoj istorii (problemy paleopsihologii)*, pod red. B. A. Didenko, Moskva: «FÈRI-V», 2006, 2.]
- Доброва 2009** = Г. Р. Доброва, О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегия освоения языка, в: *Вопросы психолингвистики* № 9, 2009, 53–70. [G. R. Dobrova, O variativnosti rečevogo ontogeneza: referencial'naja i èkspressivnaja strategija osvoenija jazyka, v: *Voprosy psiholingvistiki* no. 9, 2009, 53–70.]
- Золян 2018** = С. Т. Золян, Генетический код: грамматика, семантика, эволюция, в: *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сборник научных трудов*, РАН, ИНИОН, Центр перспективных методологий социальных и гуманитарных исследований, Москва, 2018, выпуск 8: Образ и образность. От образования Вселенной до образования ее исследователя, 130–184. [S. T. Zoljan, Genetičeskij kod: grammatika, semantika, èvoljucija, v: *METOD: Moskovskij ežegodnik trudov iz obščestvovedčeskih disciplin: sbornik naučnyh trudov*, RAN, INION, Centr perspektivnyh metodologij social'nyh i gumanitarnyh issledovanij, Moskva, 2018, vypusk 8: Obraz i obraznost'. Ot obrazovanija Vselennoj do obrazovanija ee issledovatelja, 130–184.]
- Мониц 2005** = Ю. В. Мониц, *К истокам человеческой коммуникации: ритуализованное поведение и язык*, Москва: Академия гуманитарных исследований, 2005. [Ju. V. Monič, *K istokam čelovečeskoj komunikacii: ritualizovannoe povedenie i jazyk*, Moskva: Akademija gumanitarnyh issledovanij, 2005.]
- Попов 2013** = С. Л. Попов, *Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: монография*, Харьков: НТМТ, 2013. [S. L. Popov, *Kognitivnye osnovanija èvoljucii form russkogo sintaksičeskogo soglasovanija: monografija*, Har'kov: NTMT, 2013.]
- Попов 2015** = С. Л. Попов, *Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект*, Дис. ... докт. филол. наук, Харьков, 2015.

[S. L. Popov, *Grammatičeskie varianty v russkom jazyke: kognitivno-èvoljucionnyj aspekt, Dis. ... dokt. filol. nauk*, Har'kov, 2015.]

Попов 2017 = Сергей Попов, Когнитивно-эволюционное исследование появления определенного и неопределенного артиклей, в: *Jezikoslovni zapiski* (Ljubljana) 23.1 (2017), 225–240.

[Sergej Popov, Kognitivno-èvoljucionnoe issledovanie pojavlenija opredelennogo i neopredelennogo artiklej, v: *Jezikoslovni zapiski* (Ljubljana) 23.1 (2017), 225–240.]

Попов 2019 = Сергей Попов, Об объясняющей межъязыковые различия и объединяющей разнообразие языков мира универсальной перцептивной модели: детализация, в: *Jezikoslovni zapiski* (Ljubljana) 25.2 (2019), 161–178.

[Sergej Popov, Ob ob"jasnjajušeej mež"jazykovye različija i ob"edinjajušeej raznobrazije jazykov mira universal'noj perceptivnoj modeli: detalizacija, v: *Jezikoslovni zapiski* (Ljubljana) 25.2 (2019), 161–178.]

Поршнев 2006 = Б. Ф. Поршнев, *О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)*, под ред. Б. А. Диденко, Москва: «ФЭРИ-В», 2006.

[B. F. Poršnev, *O načale čelovečeskoj istorii (problemy paleopsihologii)*, pod red. B. A. Didenko, Moskva: «FÈRI-V», 2006.]

Поршнев 2007 = Б. Ф. Поршнев, *О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)*, науч. ред. О. Т. Вите, Санкт-Петербург: Алетейя, 2007.

[B. F. Poršnev, *O načale čelovečeskoj istorii (problemy paleopsihologii)*, nauč. red. O. T. Vite, Sankt-Peterburg: Aletejja, 2007.]

Риццолатти – Синигалья 2012 = Дж. Риццолатти – К. Синигалья, *Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания*, Москва: Языки славянских культур, 2012.

[Dž. Riccolatti – K. Sinigal'ja, *Zerkala v mozge: o mehanizmah sovmestnogo dejstvija i sopereživanja*, Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012.]

Цейтлин 2000 = С. Н. Цейтлин, *Язык и ребенок: лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*, Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

[S. N. Cejtlin, *Jazyk i rebenok: lingvistika detskoj reči: učeb. posobie dlja stud. vysš. učeb. zavedenij*, Moskva: Gumanit. izd. centr VLADOS, 2000.]

Эпштейн 2016 = М. Н. Эпштейн, *От знания – к творчеству: как гуманитарные науки могут изменять мир*, Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

[M. N. Èpštejn, *Ot znanija – k tvorčestvu: kak gumanitarnye nauki mogut izmenjat' mir*, Moskva – Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnyh inicijativ, 2016.]

Bates – Bretherton – Snyder 1988 = E. Bates – L. Bretherton – L. Snyder, *From first words to grammar: individual differences and dissociable mechanisms*, Cambridge: C.U.P., 1988.

Nelson 1973 = K. Nelson, *Structure and strategy in learning to talk*, Chicago: University of Chicago Press for the Society for Research in Child Development, 1973 (Monographs of the Society of Research in Child Development 38).

POVZETEK

Kognitivno-evolucijska interpretacija pogledov B. F. Poršnjeva in fiziološke predpostavke pojavitve jezika

Kognitivna in evolucijska interpretacija pogledov B. F. Poršnjeva, ki z združitvijo fizioloških pojmov zaviralnih dominant in posnemanja prinaša novo kakovost – interdikcijo kot fiziološko predhodnico pojavitve jezika –, pomaga razumeti nadaljnje: (1) na fiziološki ravni se stopnje, podobne stopnjam dojetanja, glede na zaviralne dominante razvijajo iz povrhnjosti v alternativnost, ki je važna tudi za pojavitev jezikovnih struktur; (2) v mnogih rodovih utrjeno iskanje življenjsko važnih fizioloških in kognitivnih alternativ je za gradnjo jezika postalo običajna oblika adaptivnega vedenja; (3) vzrok za alternativni prehod iz ene stopnje dojetanja v drugo je potreba alternativnega boljšanja kakovosti življenja v prazgodovini človeštva kot fiziološka oziroma kognitivna nuja za preživetje

in s tem navada, ki je zastavila tudi pojavitev takih alternacij, kakor sta jezik in njegova struktura; (4) kognitivno-evolucijska utočnitev nepopolnega razumevanja interdikcije v pogledih Poršnjeva, ki je postalo za človeštvo običajno iskanje alternativ, všteti jezik in njegove strukture, je pogoj za logično dovršenost.